ЧАСТЬ VII

Деятельность Против Труда: Мелодии Интерстициальной Революции

27

Деятельность растворяет целостность, синтез, стоимость.

1. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОИСТЕКАЕТ ИЗ КОНКРЕТИКИ, И ИДЁТ ПРОТИВ НЕЁ И ЗА ЕЁ ПРЕДЕЛЫ.

Самоопределение исходит из нас наружу. Я пеку торт, потому что мне нравится это делать, или потому, что я голоден, или потому, что я хочу пригласить своих друзей. Я прошу своих детей и некоторых моих друзей присоединиться ко мне, и мы вместе обсуждаем, каким должен быть вкус торта. Мы решаем, что хотели бы испечь торт из органической муки, и одна из моих подруг упоминает, что у неё есть подруга, которая выращивает органическую пшеницу и делает свою собственную муку, поэтому мы решаем пригласить её присоединиться к нам.

Это происходящее изнутри подталкивание деятельности в сторону самоопределения. Это не полное самоопределение, поскольку существует множество вещей, которые мы не контролируем, множество способов, которые ставят наши действия в зависимость от действий других не определяемым нами образом: качество используемой нами печи, качество масла, соли, фруктов и т. д. Мы даже не можем посвятить желаемое время выпечке торта, потому что утром нам придётся идти на работу, чтобы заработать себе на жизнь. Наш нажим наталкивается на ограничения, проистекающие из совокупности общественных отношений, из того, как устроено общество.

Вместе с друзьями я решаю разбить сад, чтобы мы могли выращивать овощи, цветы и деревья. Вскоре мы натыкаемся на препятствие: нам не принадлежит ни кусочка земли. Рядом с нами есть свободный участок земли, поэтому мы решаем занять его и превратить в сад. Вскоре появляется второе препятствие: полиция пытается принудить нас покинуть эту землю. Однако мы уже заручились поддержкой наших соседей, и вся община поднимается, чтобы остановить полицию.

Мне нравится читать Маркса, но я нахожу «Капитал» несколько трудным. Вместе с друзьями мы организуем групповые чтения и читаем его вместе. Мы все студенты — кто-то изучает экономику, кто-то философию, кто-то социологию, и мы хотим посвятить много времени чтению «Капитала». Но вскоре мы натыкаемся на препятствие: наши учебные программы на соискание степени не включают в себя Маркса, и требования курса оставляют нам мало времени для чего-либо ещё.

Вместе с другими жителями нашего города мы захватываем контроль над водоснабжением и выгоняем частную компанию, получившую концессию от государства. Государство посылает армию, чтобы подавить нашу акцию, но солидарность горожан столь велика, что мы вытесняем

армию после нескольких дней борьбы. Мы принимаем все наши решения на народных собраниях, где присутствуют все участники борьбы[1].

В каждом из этих случаев есть толчок наружу, к самоопределению. В каждом из случаев толчок натыкается на препятствия: отсутствие денег, вооружённое сопротивление, отсутствие контроля над необходимыми составляющими. Существует внешний поток деятельности по направлению к самоопределению, сталкивающийся с различными проявлениями тотальности, которые мы не контролируем. Мы пытаемся найти способы обтекания или преодоления препятствий.

2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБРАЩАЕТ ВСПЯТЬ ПОТОК ДЕТЕРМИНАЦИИ

Мы уже видели, во что абстракция превращает деятельность. Мне нравится печь торты, и я решил зарабатывать на жизнь их продажей. Вскоре я обнаруживаю, что рынок оценивает мои пирожные, устанавливая цену, по которой я могу их продать, и, следовательно, детерминируя скорость, с которой я должен работать, чтобы выжить. В какой-то момент происходит изменение потока детерминации. Вначале я детерминирую свою деятельность; через какое-то время я понимаю, что мою деятельность детерминируется чуждой силой, над которой я не властен.

Я люблю читать Гегеля и Маркса, Блоха и Адорно. Я решаю изучать философию в университете. Вскоре я обнаруживаю, что этих авторов, как правило, не включают в учебные планы, но даже если они и включены, я должен читать их определённым образом и в определённом ритме. Моя учёба оценивается в ходе экзаменов, детерминирующих контекст, а также скорость, с которой я должен работать, чтобы их сдать. И здесь тоже наблюдается обратный поток детерминации: деятельность, которую изначально детерминирую я, превращается в труд, навязанный чуждой силой.

В первом случае это явно ценность в действии. Ценность, своеобразный социальный синтез капитализма, то самое, что скрепляет капиталистическое общество, навязывается пекарю через функционирование рынка. Во втором случае, когда речь идет о деятельности, непосредственно не зависящей от рынка (например, изучение философии), тот же самый социальный синтез навязывается еще более непосредственно через процессы постоянного измерения, подражающие работе рынка. Это (прямое или косвенное) навязывание абстрактного труда поддерживается, где необходимо, открытой силой — как в случае с общественным садом или водоснабжением в наших предыдущих примерах. Во всех случаях имеет место подчинение (или попытка подчинения) нашей деятельности правилам и ритмам социальной тотальности, которая неподконтрольна ни нам, ни кому-либо другому.

Абстракция деятельности в труд и социализация неотличимы при капитализме. Абстракция — это формирование социальной сплоченности или социального синтеза таким образом, что поток детерминации обращается против нас. По мере того, как наша деятельность становится социализированной, мы теряем контроль над ней, и навязывание чужеродного контроля становится сильнее. Абстракция-социализация — это обращение вспять потока детерминации. Данное формирование социальной целостности — в то же время есть потеря социальной

детерминации. Никакое добавление формально демократических структур не может изменить этот факт.

Борьба за деятельность — это борьба за поддержание импульса потока детерминации.

3. ТОТАЛЬНОСТЬ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ЗАХВАЧЕНА СВЕРХУ.

Столкновение потока и анти-потока детерминации ставит нас перед дилеммой. Давление снизу наталкивается на препятствия, выражающие силу социальной целостности. Само это противостояние побуждает нас совершить скачок, попытаться контролировать эту тотальность.

Это точка зрения традиционного марксизма. Традиционный коммунистический аргумент представляет альтернативу капитализму не как разрушение социального синтеза, а как построение альтернативного социального синтеза. Один вид тотальности должен быть заменен другим, основанным, конечно, не на деньгах и капитале, а на народном планировании. Борьба концентрируется на свержении одной системы и замене её другой. Перспектива революционного рабочего движения — это перспектива тотальности[2]. Это означает, что революционное движение нуждается в организации, которая может принять точку зрения тотальности: в партии.

Но это не работает и не может работать. Почему? Потому что абстракция, движение, составляющее целостность, приходит снизу и может прорваться только снизу. Поток детерминации, исходящий из капиталистической совокупности общественных отношений, определяется соотношением наших деятельностей друг с другом. Именно тот факт, что моя деятельность связана с вашей деятельностью через обмен нашими продуктами как товарами, создаёт тотальность, которую мы не можем контролировать. Тотальность, которая на самом деле и по-видимому находится вне нас, формируется тем, как мы общаемся с другими людьми. Именно этот способ, что нас объединяет, нуждается в изменении, и это невозможно сделать с точки зрения тотальности. Это можно сделать только снизу.

Данный скачок от восходящего толчка борьбы к точке зрения тотальности формирует как формы организации, так и формы мышления. В организационном плане перспектива тотальности, как правило, на практике приводит к сосредоточению внимания на государстве. Государство на самом деле является ложной, иллюзорной тотальностью. Не государства составляют социальный синтез — они, скорее, защищают процесс, посредством которого этот синтез устанавливается. Однако их существование в качестве отдельного примера создает иллюзию, что именно государство скрепляет общество или государства скрепляют отдельные общества. Такая ориентация на тотальность приводит к иллюзорному представлению о мире, будто он состоит из ряда состояний-тотальностей, каждая из которых организует социальные отношения в своих границах. Отсюда проистекает идея о том, что мир можно изменить, получая контроль над одной государственной тотальностью за другой (процесс, который иногда называют «перманентной революцией»). Неизбежная неудача этого подхода к радикальному изменению мира интерпретируется затем как серия предательств, тогда как реальная основа повторяющихся неудач изменить мир путем захвата власти заключается просто в том, что социальный синтез лежит не там, где кажется. В последние годы это

становится все более очевидным: если еще сто лет назад можно было бы правдоподобно рассматривать государство как центр общества (каждое государство — центр своего общества!), то усиление глобализации капитала ясно показало, что это это не так. Указанная иллюзия тотальности государства исторически развалилась как в результате неудавшихся революций, так и в результате более тесного переплетения глобальных социальных отношений.

И всё же перспектива тотальности постоянно возрождается (вместе со всеми другими фетишами) благодаря продолжающемуся существованию абстрактного труда. Государство продолжает предлагать себя как путь к переменам, мираж надежды в пустыне отчаяния. Даже там, где государство отброшено в сторону, нация выступает как категория тотальности: говорится, что у нас должна быть национальная программа, национальный план. Но национальное есть не менее ложная тотальность, чем государство, и его действительно очень трудно отделить от государства. Можно, правда, представить себе борьбу нации против государства, но ясно, что общественные отношения не конституируются на уровне нации, а также что понятие нации так глубоко переплетено с государством, что совершенно не реально разделить их политически[3]. Тогда лучше принять, что национальное (и национально-народное) безвозвратно является территорией капитала, и признать кризис абстрактного труда кризисом всех тотальностей и псевдототальностей.

Тотальность находится в кризисе. Кризис абстрактного труда одновременно кризис общественного синтеза, основанного на абстрактном труде. В последние годы антикапиталистические движения всё больше и больше ставят вопрос о радикальных переменах с точки зрения неструктурированного слияния борьбы снизу, объединения отдельных видов борьбы. Объединение рассматривается с точки зрения слабо структурированных и обычно временных организационных форм, а не более формального и постоянного создания национальных или международных институтов. Тем не менее концепция тотальности или идея изменения сверху продолжает повторяться. Одним из влиятельных в настоящее время аргументов, выдвигаемых критическими сторонниками боливарианской революции в Венесуэле[4] или, например, Народным фронтом Дарио Сантильяна в Аргентине[5], является радикальное изменение, происходящее одновременно сверху и снизу. Сторонники этого аргумента обычно делают акцент на борьбе снизу, но утверждают, что движений снизу недостаточно, что, как выразился Рауль Зибечи, «отсутствует «другая половина», их способность иметь стратегию, быть руководителями, достичь государственной власти, чтобы реализовать свою программу»[6]. Этот аргумент внешне привлекателен, потому что он, кажется, объединяет различные формы борьбы в союз для изменения общества. Однако недостаточно изучена внутренне антагонистическая природа отношений между «сверху» и «снизу». Движение снизу есть толчок от частного к самоопределению, тогда как всякое *сверху*, всякое представление о тотальности в мире, еще капиталистическом, может быть только толчком, движущимся в противоположном направлении, встречным течением, которое, каким бы благонамеренным оно ни было, демобилизует стремление к самоопределению.

4. МЫ ИСХОДИМ ИЗ ЧАСТНОСТЕЙ, НО ЭТО НЕ МИКРОПОЛИТИКА.

Перемены сверху не могут превратить абстракцию деятельности в труд, который несёт в себе всё, что находится вне нашего контроля. Создание системы государственного планирования, как в бывших странах «реального социализма», совсем ничего не сделало для создания самоопределяющегося общества. Понятие «национальное самоопределение» также бессмысленно: проблема самоопределения может быть понята только в терминах организации нашей повседневной деятельности.

Чтобы выпутать абстракцию деятельности из труда, мы должны двигаться снизу. Мы исходим из множества разных отправных точек против унифицирующей, угнетающей силы абстракции. Конкретная деятельность бывает бесконечно разнообразна по форме и размерам: такова абстракция, навязывающая свою гомогенизирующую жёсткость. Это создаёт впечатление, что наше движение — это движение множества различий, и заставило некоторых людей отказаться от любых концепций противоречия и диалектики. Это ошибка, потому что факт того, что все различия являются движениями-против, против отчуждённой и отчуждающей жесткости абстрактного труда, есть объединяющий их факт. Различия объединяет то, что все они являются противоречиями, антагонизмами[7]. Разумеется, движение конкретной деятельности — это взрыв различий, множество разных расцветок (и, следовательно, несомненная привлекательность концепции множества[8]), но это движение-против, живой антагонизм.

Здесь движение имеет решающее значение, потому что любая неподвижность, какой бы радикальной она ни казалась поначалу, легко реинтегрируется в капиталистические отношения господства. Данный аргумент не является аргументом в пользу микрополитики. Неподчинение, становящееся изолированным или замкнутым, по выбору или в силу обстоятельств, имеет тенденцию фрустрировать, а фрустрация легко приводит к внутреннему конфликту и дезинтеграции. Люди имеют тенденцию разочаровываться из-за того, что деятельность подвижна. Наша способность действовать динамична, это постоянное движение против и за пределы сложившегося. Вот почему реализация утопии (в смысле заранее спланированного модельного сообщества) не сработает: наша самореализация как людей-деятелей подразумевает творческие изменения. Самоопределение, даже в эмансипированном обществе, не может быть статичным: оно не может быть бесконечно повторяющимся определением "мы выбираем оставаться прежними"; или, даже если бы такое решение принималось каждый день, самоопределение потребовало бы, чтобы оно, по крайней мере, с той же регулярностью обсуждалось. Если автономное пространство постоянно не движется за пределы самого себя, то оно становится тюрьмой, сдерживающей стремление к созиданию. Наша отправная точка — это слом, разрыв. Однако разрыв не стабилен, а мимолётен: его существование как разрыва зависит от его движения.

Мощь деятельности анти-синтетична. Она сопротивляется замыканию, выступает против него, будь то замкнутость небольшой группы радикальных намерений или ограждение абстрактного труда. Начиная с частности — это отказ от огораживания. Это не означает, что мы остаёмся на уровне частного: скорее, это означает постоянное выталкивание, постоянное побуждение против капитала и всех ограждений, неподатливостей, фетишей, поддерживающих режим капитала и мешающих нам действовать. Движение деятельности — критическое и практическое движение антифетишизма, восстановление нашей деятельностной мощи, нашей

способности к деятельности. Движение трещин, а не движение автономий. Изменение не может произойти путём добавления отдельных бунтов — только через их течение, их слияние, через трещины, вскрывающиеся вдоль потайных русел гнева.

Устремление нашей способности действовать к самоопределению не означает стремления к тотальности в старом смысле. Тотальность окружает, и нет никаких оснований думать о коммунизме в терминах особенно плотного переплетения социальных отношений, с которыми его связывали в прошлом. Капиталистическая глобализация — это всё более плотное переплетение социальных отношений, сотканных абстрактным трудом, но мир за пределами капитализма не обязательно должен характеризоваться таким же плотным переплетением. Это одно из справедливо высказанных критических замечаний в адрес так называемых социалистических государств: они ассоциировали идею социализма с особенно плотным переплетением социальных отношений, оставляющих мало места для определения снизу: в этом смысле они были "тоталитарными". Сама плотность переплетения социальных отношений (массовое производство, планирование социальной организации с высокой степенью детализации), вероятно, трудно примирить с действенной социальной детерминацией снизу. На что указывает большинство антикапиталистических выступлений последних лет, так это на гораздо более слабую интеграцию социальных связей, на "мир многих миров", как гласит лозунг сапатистов. То, как это может выглядеть, может быть только результатом борьбы, но, по-видимому, основа будет полагаться на меньшие и более автономные производственные единицы[9]. Мир многих миров был бы не новой тотальностью, а меняющейся группировкой или конфедерацией частностей. Не коммунизм, но коммунизирующее[10].

Но что мы скажем о проблемах, которые, по-видимому, требуют общемирового решения, таких как изменение климата или ликвидация ядерного оружия? Неизбежность катастрофы, кажется, подталкивает нас к позитивной концепции тотальности, к идее, что нам нужно мировое государство. Разумеется, в посткапиталистическом обществе была бы желательна некая форма глобальной координации, но существующие в настоящее время формы глобальной координации настолько связаны с капиталом и погоней за прибылью, что дают мало надежды на нахождение решения. Становится всё более и более очевидным, что любое решение проблемы изменения климата может появиться только в результате радикального изменения образа нашей жизни, и это изменение не может исходить от государства или какой-то мировой организации, а только от отказа от абстрактного труда, от нашего собственного принятия ответственности за то, как мы живём[11].

Концептуальная и организационная задача заключается в том, чтобы перевернуть мир с ног на голову и перейти от конкретной борьбы во внешнее, против данного мира и за его пределы: следовать потоку деятельности против и за пределы её закостенелости в труде. Борьба с капиталом — это непременное освобождение деятельности от уз абстракции. Там, где абстракция налагает ограничения, привязывая нас к стоимости, деятельность бесконечна, незакончена, движется против всех ограничений и за их пределы.

Как движутся трещины? Мы не знаем. Когда мы думаем о том, как объединить или распространить конкретную борьбу, тенденция к тотализации проявляется снова и снова — в

стремлении сформировать региональную, национальную или международную организацию в целях объединения всех частных видов борьбы и их координации. Несмотря на то, что такие организации могут быть полезны для установления контактов, опыт показывает, что борьба на самом деле происходит не через них. Чтобы одна борьба переросла в другую или стала искрой, разжигающей другую, необходим определенный резонанс. Эти резонансы не соответствуют формальным организационным линиям и зачастую трудны для понимания. Трещина касается какого-то скрытого структурного дефекта, который затем в неё раскрывается и распространяется — это невозможно спланировать и обычно невозможно предвидеть с какой-либо точностью. В капитализме действительно существует центральный структурный недостаток, недостаток, проявляющийся в линиях распространения бунта. Центральная линия разлома проходит не по территориальным линиям (как предполагала бы антиимпериалистическая теория) и не по линии разделения между капиталом и трудом (как это предполагает традиционная теория), а по линии антагонизма между деятельностью и трудом. Но это линия разлома, которую нелегко увидеть и которую невозможно институционализировать: это линия, которую мы проводим, проходя по ней. В мире деятельности-против-труда нет уверенностей, а даже если и есть, то они являются замыканиями, которые нужно сломать.

1. Данный пример вдохновлён Водяной войной в Кочабамбе, Боливия, 2000. ↩
2. Лукач, по-прежнему самый убедительный представитель данной традиции, говорит нам: "Не примат экономических мотивов составляет решающее различие между марксизмом и буржуазной мыслью, а точка зрения тотальности". (1923/1988: 27). ↩
3. См. дискуссию по поводу нации и сапатистов в REDaktion (1997). ↩
4. См., например, аргументы Дарио Аззелини о Венесуэле: Azzelini (2010, 2006). ↩
5. Стимулирующее изложение данного аргумента см. в книге Мигеля Маццео (2007). ↩
6. Zibechi (2006: 26). Аргумент Зибечи, как и данный, является аргументом против этой точки зрения. ↩
7. О различиях и противоречиях см. Bonnet (2009). ↩
8. См. Hardt and Negri (2004), Virno (2004). ↩
9. Аргумент в том же духе см. у Esteva (2009). ↩
10. Несколько иное использование термина «коммунизирующее» см. в разделе Call: Anonymous (n.d.). ↩
11. О движении климатического лагеря и необходимости прямых действий см. Sumburn (2007). ↩